

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ — ВАЖНЫЙ ИНСТРУМЕНТ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Аннотация

В статье анализируются законодательный, административный и экономический инструменты обеспечения защиты экономики России от глобального санкционного давления со стороны «коллективного Запада». Автор стремится рассмотреть базовые аспекты политики импортозамещения, определить ее место в общей системе антикризисного управления, прежде всего в внешнеэкономической сфере. Делается попытка оценить степень ее достаточности в комплексе применяемых антикризисных мер, возможные их последствия для развития экономики России, как и экономические и торгово-политические риски в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: импортозамещение, санкции, контрсанкции, торговая война, завоевание новых торговых рынков, антикризисное управление экономикой, экономическая диверсия.

Автор

Баранов Владислав Дмитриевич

Доктор экономических наук, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики РАНХиГС (Москва, Россия)

На протяжении последнего десятилетия Россия уже дважды сталкивается с вынужденной необходимостью радикальным образом корректировать свою экономическую, финансовую и торговую политику в условиях жесточайших внешних ограничений экспорта и импорта товаров, услуг, доступа к зарубежным источникам капитала и инновационных технологий со стороны «коллективного Запада». В российском политическом дискурсе новую экономическую и торговую политику принято квалифицировать как импортозамещение, хотя данная дефиниция несколько односторонне отражает ее в качестве основного инструмента антикризисных мер.

Глобальный санкционный гнет, обрушившийся уже двенадцатой волной на российскую экономику, включает свыше 12,5 тысяч различных санкционных мер и потребовал заместить

свыше 50% российского импорта. По данным РСПП в 2021 году от импорта, прежде всего из стран Запада, зависели производственные либо коммерческие программы более 40% российских компаний, которые попали под санкции [1].

По итогам 2020 года, ЕС оставался основным торговым партнером России, на долю которого приходилось 192,4 млрд долл. США (33,8%) российского товарооборота. В 2021 году физический объем российского экспорта снизился к уровню предшествующего года более чем на 12% [2]. В 2022 году доля торговли России со странами ЕС в совокупном товарообороте, по нашей оценке, «обвалилась» ниже уровня 14%. В 2023 году доля российского энергетического экспорта в страны ЕС, по нашей оценке, снизилась более чем в 6 раз по сравнению с 2020 годом. Еще в больших масштабах снизился объем традиционного энергетического нефте-

газового экспорта в Европу, «привязанного» к трубопроводному транспорту.

**Импортозамещение —
экономическая новелла или
российская историческая
реальность?**

Прошло почти десятилетие с даты принятия в августе 2014 года указа Президента № 560, которым был введен запрет на ввоз в Россию отдельных видов сельхозпродукции и продовольствия (мясо, рыба, молоко, молочные продукты, овощи, фрукты) из стран, объявивших санкции в отношении российских юридических и (или) физических лиц. В последующих заявлениях представителей высших органов власти отмечалось, что этим актом был дан новый и серьезный импульс курсу на импортозамещение, прежде всего в сфере сельского хозяйства и пищевой промышленности. Подчеркнем, реализация данной программы за прошедшее десятилетие имела успех.

Концепция политики импортозамещения в промышленности была конкретизирована в принятом в конце 2014 года федеральном законе № 488-ФЗ «О промышленной политике РФ». В частности, в документе обозначена задача «формирования высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития».

Министерство промышленности и торговли России ввело целевые ориентиры и перечень приоритетных «критических» видов продукции, услуг и программного обеспечения, по которым необходимо было существенно снизить до 2020 г импортную зависимость. Список приоритетов включал подотрасли индустрии, а также индикативные перечни более 800 видов продукции и технологий. Сформулированные цели в дальнейшем были

конкретизированы в соответствующих приложениях к постановлениям Правительства России.

Однако еще в новой российской истории отдельные блоки политики импортозамещения, по нашей оценке, проглядывались задолго до украинских событий и первой волны санкционного давления со стороны «коллективного Запада». В 2010 году был принят Указ Президента РФ № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Согласно документу «продовольственная безопасность была провозглашена как часть стратегии национальной безопасности». Фактически во главу угла поставлен принцип «самообеспеченности продовольствием».

Позднее, в 2012 году, был принят Указ Президента РФ № 596, который, в целях реализации активной промышленной политики, а также ускорения политики импортозамещения в обрабатывающих отраслях промышленности Российской Федерации, предусматривал ряд стимулирующих мер. Документ многими экспертами квалифицировался в качестве федеральной программы, поскольку обобщал предпринятые ранее шаги, содержащиеся в постановлениях и распоряжениях Правительства, в национальных приоритетных дорожных картах, федеральных целевых программах (ФЦП). К сожалению, большая часть мер по импортозамещению, зафиксированных в документе (за исключением пищевой промышленности и фармацевтики) оказались нереализованными.

Для прояснения политической логики политики импортозамещения в России целесообразно вспомнить, что в СССР курс на замену импорта со стороны Запада продукцией советских предприятий, и, отчасти, предприятий стран социалистического содружества (бывшего СЭВ) был стратегической линией во внешнеэкономической политике. Успешность реализации дан-

ного курса во многом обеспечивалась сложившимся механизмом плановой экономики и централизованными инструментами ее управления в условиях государственной монополии внешней торговли.

Однако руководство СССР и стран СЭВ, очевидно, понимало, что добиться полного импортозамещения невозможно. В противном случае не избежать скорого технологического отставания. Поэтому наблюдался поиск каналов, обход санкций, ограничений и эмбарго, выбор форм сотрудничества для обеспечения роста импорта машин и оборудования и многих других инвестиционных товаров. Наибольшая доля в зарубежных закупках приходилась на промышленное оборудование для предприятий металлообрабатывающей, автомобильной, химической и нефтехимической, целлюлозно-бумажной и металлургической индустрий, а также для отраслей легкой и пищевой промышленности. Особое значение имели закупки оборудования на компенсационной основе. Итак, по нашей оценке, Россия прошла не менее полувековой путь, при котором импортозамещение являлось одной из центральных стратегических задач развития национальной экономики.

Сегодня Россия сталкивается со значительно более тяжелыми условиями торговли даже по сравнению с так называемым советским периодом эпохи «холодной войны». Товарный рынок западных стран закрыт для России не только с точки зрения импорта, но и по ряду чувствительных для России традиционных экспортных товаров, в первую очередь топливно-сырьевой и энергетической группы. Фактически концепция импортозамещения приобретает качественно иную торгово-политическую и экономико-правовую конфигурацию.

Итак, импортозамещение объективно ведет к ослаблению позитивного влияния внешнеторговых факторов, ко-

торые на протяжении XXI века являлись основным драйвером сравнительно высокой динамики развития экономики России. Зарубежным партнерам российского бизнеса «коллективный Запад» дает однозначный сигнал о нарастании вероятности введения новых санкций без уточнения, какая именно компания и в какой момент времени может оказаться мишенью рестриктивных действий. Изоляция российских компаний от коммерческих контактов с подавляющим большинством внешних акторов и лишение их доступа к внешним источникам финансирования, как и к инфраструктуре торговых операций, очевидно, являются стратегической целью «коллективного Запада».

Как следствие, нынешний «девятый вал» санкционных мер является реальной угрозой существования России в качестве суверенного государства. Параллельно с задачей импортозамещения Россия решает более крупные и сложные проблемы, такие как утверждение в новых исторических условиях научно-технологического, производственно-ресурсного, продовольственного, валютно-финансового, а возможно и кадрового, суверенитета.

Способна ли политика импортозамещения обуздать экономический кризис?

Исходя из классической доктрины политэкономии, в 2022 году в России наметились очевидные признаки **системного кризиса**, вызванного влиянием внешних факторов. Его невозможно охарактеризовать одним-двумя параметрами (например, спадом производства, падением экспорта, импорта). Кризисные явления носили системный характер прежде всего в силу того, что под влиянием внешних факторов пришлось решительно отказаться от либерально-демократической экономической модели развития экономики и общественного уклада, пред-

усматривающей глубокую интеграцию в мировой хозяйственный оборот. Неолиберальная экономическая модель выстраивалась в качестве фундамента развития России на протяжении последних трех десятилетий [3].

Преодоление признаков системного кризиса в России руководству страны приходится решать «на марше», обеспечивать форсированное прохождение экономикой страны через глубокие институциональные и технологические трансформации, со сменой внешнеэкономической парадигмы, с преимущественным упором на собственную технологическую и инновационную базу. Формирующаяся новая антикризисная модель управления, по нашему мнению, призвана вывести экономику на качественно новый уровень эффективности и производительности труда с использованием частично автаркических инструментов макроэкономического регулирования, включая отказ от широкого привлечения международных валютных инструментов и постепенный переход на внешние расчеты в национальной валюте.

Особенностью преодоления системного кризиса в России является совмещение решения внутренних социально-экономических проблем с обеспечением благоприятных условий для ведения специальной военной операции (СВО), по существу, военных действий в Юго-Восточном регионе Украины. Вынужденное сочленение политики ускоренной реализации внутриэкономических, внешнеторговых и военно-технических вопросов ведет к усилению тенденции развития мобилизационных основ перестройки хозяйственного механизма страны.

Несмотря на наложение каскада кризисных признаков, которые фактически затрудняют поиск выхода на оптимальную траекторию минимального социально-экономического роста, Россия вынуждена небезуспешно пойти на масштабную милитаризацию эко-

номики, перевод значительной части производственного сектора на выпуск военной продукции для обеспечения потребностей СВО. Необходимой вынужденной антикризисной мерой является и пересмотр правительством России макроэкономических параметров федерального бюджета с упором на покрытие затрат, связанных с финансированием потребностей оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и дополнительных расходов Министерства обороны РФ, с учетом снижения валютных поступлений от импорта. Данная тенденция наглядно проявилась в структуре расходов недавно принятого федерального бюджета на 2024 год.

Итак, следует согласиться с оценкой, что системный кризис, с которым реально столкнулась Россия в 2022 году, явился масштабным интеллектуальным вызовом, потребовавшим глубокого осмысления его причин, механизмов разворачивания и выработки не только краткосрочных, но, прежде всего, среднесрочных антикризисных мер его преодоления. С учетом непредсказуемости завершения сроков СВО, системный кризис, возможно, может иметь среднесрочный характер, а пути выхода из него, вероятно, будут носить принципиально иной концептуальный характер [4].

У политической и экономической элиты России, вероятно, пока отсутствует консенсус по вопросу выработки четко обозначенной стратегической линии развития экономики и ясности в таких вопросах как принципы социально-экономического устройства и создаваемый тип хозяйства, определение нового места России в международном разделении труда, поиск внутренних и внешних источников и факторов экономического роста. Следовательно, неясность цели и задачи антикризисных мер, очевидно, не позволяет сформировать новую структурную политику, в которой политика импортозамещения должна

реализовываться как за счет внутренних производственных возможностей России, так и за счет эффективного включения ресурсов, покрываемых за счет ввоза товаров и услуг из т.н. дружественных государств.

Наконец, за прошедшие три десятилетия российские финансовые и бизнес-элиты пока еще не разучились дружить с Западом. Ведь не секрет, до 2022 года, по оценке российских экспертов, не менее половины российских сырьевых и энергетических компаний, как и банков, обслуживающих их интересы, прочно осели в различных оффшорных зонах, а свой капитал прятали в налоговых гаванях посредством различных финансовых схем [5]. Многие их представители продолжают находиться в плену иллюзий о том, что глобальная политика Запада по структурному сдерживанию России рассматривается как «временное досадное недоразумение» [6]. Без решительного размежевания с подобной деструктивной позицией, российская экономика не сможет добиться радикальной структурной перестройки в обозримом будущем.

Программа импортозамещения в антикризисном режиме управления экономикой: первые шаги

Прошедшие последние два года подтвердили, что при всех очевидных изъянах и недостатках российская экономика обладает достаточными потенциалами, мобильностью и способностью оперативно адаптироваться к чрезвычайным внутренним и внешним шокам. Как известно, Россия с достоинством вышла из глобального кризиса, вызванного пандемией COVID-19. Уже в первом квартале 2021 года наметился рост ВВП на уровне 4,4%, восстановился нормальный уровень занятости в основных отраслях.

В первом квартале 2022 года правительство России столкнулось с гло-

бальными санкционными шоками без растерянности и паники. Даже некоторые наиболее продвинутые аналитики, сторонники российской экономической модели оказались в смятении, высказывали сомнения в способности России избежать экономической и финансовой катастрофы. Однако, как показал ход развития событий, они глубоко заблуждались в оценке потенциальных ресурсов российской экономики.

Судя по всему, Россия пока весьма успешно реагирует на новые вызовы. Согласно оценкам Фонда «Центра стратегических разработок», по состоянию на начало марта 2022 года из 600 крупнейших зарубежных компаний, работавших в России, 34% ограничили деятельность в стране, 15% решили покинуть ее и передать бизнес российскому собственнику и 7% заявили о полном уходе с рынка [7]. Данный фактор создал значительные риски не только в плане снижения объемов промышленного производства и снабжения потребителей качественными товарами и услугами, но и с точки зрения сокращения численности высококачественных рабочих мест и сокращения высокооплачиваемой занятости.

В арсенале антикризисных мер перед всеми органами государственной и исполнительной власти центральной задачей явился оперативный поиск внутренних резервов для закрытия внешних «прорех» в воспроизводственном механизме, прежде всего в промышленности, внесение корректив в управление национальным инфраструктурным комплексом. В 2022–2023 годах политика импортозамещения, в широком смысле толкования, вышла на одно из ведущих мест в системе антикризисного управления. Была подготовлена достаточно прочная международно-правовая база. В рамках контрсанкционных мер парламент России принял весьма важное решение о дифференциации торговых партнеров России на категории «дружественные»

и «недружественные». В торговых отношениях с последними Россия в одностороннем порядке применила изъятия из правового режима наибольшего благоприятствования. В дальнейшем были предприняты весьма рациональные меры по либерализации т.н. параллельного импорта, который при правильной его организации не должен противоречить обязательствам России в рамках ВТО.

Федеральные и местные органы государственной и исполнительной власти вынуждены были в режиме «ручного управления» практически ежедневно реагировать на деструктивные вызовы, связанные с очередным набором санкционных мер. Замещение доллара и евро на операции в национальной валюте позволило расширить объемы внешнеторговых операций с т.н. дружественными государствами. Частично они заместили некоторые важные «брешы» в производственных цепочках.

Судя по всему, основой плана первоочередных действий по обеспечению развития экономики в условиях внешнего санкционного давления явилось принятие только на федеральном уровне более 450 мероприятий из 33 тыс. предложений, которые поступили из всех субъектов федерации. По имеющимся статистическим данным, только прямая поддержка экономики за счет бюджета и Фонда национального благосостояния составила около 4,5 трлн рублей. По другим различным программам льготного кредитования компаний удалось привлечь еще почти 4 трлн рублей. К положительным моментам реализации антикризисных мер следует отнести обеспечение исполнения Правительством федерального бюджета за прошедшие два года без проведения секвестра, который рассматривался на экспертном уровне в качестве необходимой экстренной меры.

Весьма значительный эффект оказали и косвенные меры поддержки реального сектора экономики, к примеру, реструктуризация займов по плавающим ставкам и по программам Банка России на сумму порядка 6 трлн рублей и другие. Дополнительно была оказана весьма своевременная помощь пополнения оборотными средствами крупным системообразующим компаниям в промышленности, АПК, на транспорте, в энергетике, в сфере информационных технологий за счет линейки льготных кредитных программ в сумме почти 1,9 трлн рублей. В ряде отраслей на корпоративном уровне понижены ставки по налогу на прибыль.

Для ускорения адаптации экономики к текущим вызовам Правительство системно выстроило свою деятельность на основе аккумулирования всех базовых обязательств в рамках 12 среднесрочных приоритетов. Пока еще рано анализировать цели и инструменты их исполнения, тем более в условиях продолжающейся СВО, правительство возможно будет вынуждено вносить существенные коррективы в макроэкономические, отраслевые, финансовые и социальные приоритеты. Поэтому отдельные направления деятельности правительства целесообразно сегодня рассматривать пока еще в качестве потенциальных рисков.

Комплекс мер, принятых Правительством и Банком России, в целом позволил справиться с инфляцией. За счет же рекордного урожая зерновых в 2022 году, весьма успешного урожая 2023 года обеспечен один из самых надежных в мире уровень продовольственной безопасности в России. В истекшем году Россия вышла на ведущее место в экспорте зерновых культур. Можно с достаточным основанием утверждать, что России удалось избежать острого дефицита большинства номенклатуры товаров: благодаря появлению новых поставщиков и опе-

ративному налаживанию производства на месте.

При всей своевременности антикризисных мер, предпринятых правительством России, вакуум отдельных сегментов внутреннего товарного рынка остается весьма существенным. В некоторых отраслях промышленности (автомобильная, авиастроение, станкостроение, приборостроение, вычислительная техника) за счет разрыва производственных связей и прекращения импорта узлов и комплектующих, спад производства составил от 15 до 40%. Если в 2022 году произведенный ВВП страны снизился, согласно официальным данным, на 2,1%, то в истекшем году достигнут рост ВВП более чем на три процентных пункта.

Следует особо подчеркнуть, что Правительство России извлекло и некоторые печальные уроки из весьма неудачного решения задач импортозамещения, предпринятых в рамках контрсанкционных мер в 2014–2015 годах. Отраслевые российские капитаны тогда продолжали строить планы производственной модернизации, рассчитывая прежде всего на расширение доли заимствований на внешних рынках, а не на импортозамещение. Создание недостающих производств на собственной базе, по существу, не рассматривалось прежним составом правительства России в качестве основного средства защиты от угрозы западного торгово-политического и технологического шантажа. И сегодня в отдельных решениях на отраслевом уровне заметно, что различные интересы отдельных групп политического влияния не дают выбрать согласованный новый курс [8].

Итак, принятый на всех уровнях политической власти и бизнеса проект «Импортозамещение», очевидно, призван подвести окончательную черту под эпохой догоняющей модернизации с опорой на приоритетное использование доходов от экспорта энергетических ресурсов. Следует согласиться

с позицией, что Россия, вероятно, получает последний шанс, в рамках антикризисных мер, провести структурную перестройку, трансформировать свою экономическую систему с модели «мирового энергетического гиганта» на полное освоение третьего и постепенный переход к четвертому индустриальному укладу, основанным на вовлечение в производственный процесс продвинутых современных инновационных и цифровых технологий собственного производства и импортированных из дружественных регионов [9].

Возможные новые риски и вызовы на пути импортозамещения

Стратегические шансы, риски и вызовы в среднесрочном экономическом развитии России, очевидно, будут весьма тесно соседствовать друг с другом. Прежде всего, российская экономика пока еще не избежала главного риска — дальнейшего углубления состояния кризиса или его потенциальной угрозы. СВО вполне может трансформироваться в настоящую войну, что, очевидно, может потребовать решения кардинально иных внешнеэкономических и оборонно-технических задач, направленных на масштабную милитаризацию.

Санкционный режим, установленный «коллективным Западом» в отношении России, очевидно, введен надолго и «переждать его в тени», как это было в период 2014–2021 годов, со стороны отдельной части политической и бизнес-элит, на этот раз вряд ли удастся. Очевидно, что невозможно будет ограничиться и половинчатыми мерами в отношении импортозамещения и упования на возможности параллельного импорта. Замещение ввоза товаров из «недружественных государств» растущим импортом из тех стран, которые сохраняют нормальные условия торговых отношений с Россией, вероятно будет иметь объективные пределы [10].

В рамках политики импортозамещения Правительство России вынуждено будет «на марше» вносить коррективы во все три базовые составляющие национальной импортной политики. С учетом российской специфики она, видимо, должна включать: обеспечение ввоза групп товаров, вообще не производимых в нашей стране; ввоз товаров, который восполняет разрыв между производственным и потребительским спросом и дефицитом предложения на внутреннем рынке по количеству, номенклатуре и качеству; наконец, импорт товаров, связанных с участием России в новых глобальных цепочках международной кооперации производства.

Российская экономика уже сегодня испытывает вызовы адаптации не только к глобальным санкциям, официально принятым мерам со стороны западных правительств, но и из-за общего негативного настроения представителей западного бизнеса в отношении России. Существенный ряд запретов, разрывов деловых связей, которые не прописаны в официальных документах «коллективного Запада», но, к сожалению, реализуются на микроуровне в результате самостоятельных инициативных решений тех или иных зарубежных компаний и банков.

Политика импортозамещения должна сопровождаться сломом устоявшихся традиционных транспортно-логистических схем обеспечения экспортно-импортных операций. Транспортное обеспечение товарных потоков превратилось сегодня в самую серьезную проблему для представителей российского бизнеса. Оно является одним из наиболее острых бизнес-рисков. Ведь есть продукция, которая не подпадает под санкции, но ее физически невозможно сейчас доставить в Россию. Ведущие западные страны, пользуясь своим доминирующим положением на мировых рынках фрахта и страхования, ввели запреты на заход российских су-

дов в иностранные порты, затруднили работу «нейтральных государств» по транспортному обслуживанию российских коммерческих грузов.

Реализация программы импортозамещения, очевидно, и в дальнейшем будет проистекать в условиях жестких ограничительных и запретительных мер Запада в отношении финансовой системы России и ее операторов. Блокирующие санкции США наложены на ведущие российские банки. Их счета и активы в ближайшей перспективе вряд ли будут «разморожены» во всех странах, которые присоединились к санкциям. Фактически российский банковский сектор будет и в дальнейшем изолирован от обслуживания внешнеторговых расчетов в пяти основных мировых валютах за исключением китайского юаня. Банки, вероятно, будут лишены права привлекать заемный капитал на западных рынках.

Стратегию импортозамещения Россия будет вынуждена реализовать в условиях, когда набор новых санкционных мер в отношении юридических и физических лиц будет расширяться. «Коллективный Запад» будет сознательно создавать атмосферу, когда крайне сложно определить, применяется ли санкционный режим в отношении конкретной российской и зарубежной компании или конкретной внешнеторговой сделки. Как следствие, многие фирмы-партнеры будут вынуждены ставить исполнение коммерческих сделок с Россией на паузу, используя это для «выторговывания» более выгодных условий со стороны российских партнеров.

В условиях экономической нестабильности российским компаниям необходимо будет более тщательно относиться к выбору зарубежных контрагентов, правовой базе заключения коммерческих контрактов. В практику формирования контрактных обязательств прочно входит псевдопонятие «санкционная оговорка», которая неко-

торами зарубежными предпринимателями трактуется как дополнение к стандарту «условий непреодолимой силы». Другие формулируют «санкционную оговорку» в качестве отдельной статьи международного контракта. Следует считать с тем коммерческим риском, что большинство наших партнеров используют «оговорку» в качестве «подушки безопасности» при одностороннем разрыве контракта либо в качестве инструмента давления на российскую сторону для получения односторонних выгод. По самым скромным подсчетам российских экспертов т.н. контрактные оговорки ведут к удорожанию коммерческих условий сделок на 20 и более процентов [11].

Ведущие торговые партнеры России будут и в дальнейшем испытывать серьезное внешнее давление со стороны «коллективного Запада», включая и риски попасть под вторичные санкции. К сожалению, приходится считаться с тем фактом, что ведущие страны АТР, Африки, Центральной и Латинской Америки, которые в торговой политике России выходят на первый план, оставаясь в рамках финансовой империи Вашингтона, вынуждены будут так или иначе учитывать эффект вторичных санкций США. Каждая из стран-партнеров будет действовать, исходя из своих национальных интересов, причем не всегда в пользу России. Если на политическом уровне Китай, Индия, Бразилия и другие страны выражают понимание и сочувствие, представители бизнеса этих стран нередко используют различные коммерческие уловки, чтобы выдержаться от контактов с российскими компаниями.

Для смягчения санкционного пресса на российский бизнес серьезные риски наблюдаются в возможности широкого использования интеграционных процессов России в рамках ЕАЭС. Под давлением Запада формально рвутся многосторонние обязательства по торговле услугами, прежде всего транспортных, коммерческих, финансовых,

профессиональных сфер. Наши партнеры в Армении, Казахстане вынуждены затруднять использование транзита через их территории для поставки товаров для целей импортозамещения. Опасность попасть под вторичные санкции деструктивно влияет на коммерческие контакты со странами, с которыми Россия, как член ЕАЭС, имеет режим зоны свободной торговли. К примеру, за 1 полугодие 2023 года объем торговли России с Вьетнамом упал почти на 60% к соответствующему периоду 2022 года. Подобная тенденция происходит в торговле России с Сербией, Сингапуром.

Политика импортозамещения объективно должна сопровождаться изменением экспортной направленности российской внешней торговли. При этом серьезные риски могут возникать в связи с дальнейшей асимметрией отраслевой структуры торговли России с основными азиатскими партнерами. Причем ряд стран из числа дружественных может и в дальнейшем играть в свою пользу на стремлении Запада предельно снизить цены на товары традиционного энергетического экспорта России. Следует учесть, что переориентация на азиатские и иные доступные вне санкционного режима рынки может упираться в логистические ограничения и технологические возможности потребителей перерабатывать специфическую российскую нефть. Тем не менее в нынешней весьма сложной торгово-политической ситуации риски закрытия возможностей выхода на одни сегменты внешних рынков следует компенсировать агрессивной экспансией на другие рынки, в страны, еще «не освоенные» Россией.

Солидарны с мнением ряда экспертов о том, что в долгосрочном аспекте российская экспортная и инвестиционная стратегия должна формироваться путем освоения российским бизнесом нового коммерческого менталитета, направленного на заинтересованные страны, прежде всего в ЕАЭС и Цен-

тральной Азии с избыточными трудовыми ресурсами, переносом в этот регион производства узлов, деталей, компонентов, освоения российских НИОКР. Отечественный бизнес должен перейти на схему формирования новых производственных кооперационных цепочек с целью интеграции их в модель импортозамещения [12].

Политика России в области импортозамещения очевидно будет сопровождаться рисками ухудшения внутренних финансово-экономических условий. Продолжают расти бюджетные и материальные расходы на обеспечение проведения СВО. В среднесрочной перспективе Россия будет сталкиваться с затруднением получения внешних источников финансирования инвестиций для организации производства выпадающей в условиях эмбарго номенклатуры ряда важнейших инвестиционных товаров. При этом использование инвестиционного потенциала стран ЕС, по нашему

мнению, в ближайшие 5–7 лет вряд ли представятся возможным. России предстоит заместить импортное оборудование и технологии в основном за счет российских возможностей [13].

Итак, в текущем десятилетии России, судя по всему, предстоит весьма сложный и пока еще не до конца предсказуемый исторически важный период развития. Наиболее очевидным фактором, оказывающим влияние на ход развития, видимо, будет дальнейшее ухудшение негативного воздействия на Россию геостратегической ситуации в западном направлении. Санкционный пресс со стороны «коллективного Запада», вероятно, останется постоянным спутником развития российской экономики, которая в течение ближайших 3–4 лет должна полностью и окончательно решить проблему импортозамещения и прежде всего за счет наиболее полного использования собственных производственных и научно-технологических возможностей.

Литература

1. Статистические данные по международной проблематике. — М.: РСМД, 2022. — С. 17, 23–24.
2. Развитие внешнеэкономической деятельности России в 2020 и 1 половине 2021 года. www.economy.gov.ru
3. Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский; отв. ред.: Г.И. Мачавариани, И.Я. Кобринская. — М.: ИМЭМО РАН, 2022.
4. Кортунов А. Мир в новой редакции. — М.: РСМД, 2022.
5. Канашевский В.А. Оффшорные компании и трасты. Антиоффшорное регулирование. — 2-е изд., доп. — М.: Международные отношения, 2019.
6. Отчет бывшего председателя Счетной Палаты А.Б. Кудрина на заседании Совета Федерации // Российская газета. — 2022. — 14 апреля.
7. Аукуционек С.П., Батяева А.Е. Экономическая ситуация в промышленности в первой половине 2022 г. // Экономическое развитие России. — 2022. — Т. 29, № 9. — С. 37–41.
8. Отчет Премьер-министра Правительства России М.В. Мишустина на заседании Государственной Думы РФ // Российская газета. — 2023. — 25 марта.
9. Стрельцов Д., Торкунов А., Колдунова Е. «Азиатский поворот» в российской внешней политике: достижения, проблемы, перспективы. — М.: Аспект пресс, 2022.
10. Тимофеев И.Н. Ценовой порог на российскую нефть: механизм и последствия. — М.: РСМД, 2022.
11. Будущее говорит с прошлым: стратегии стран БРИКС в отношении Европейского союза: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2021.
12. Бордачев Т.В., Чижова Д.А. Центральная Азия и украинский кризис: Доклад. — М.: Изд. Фонд «Клуб Валдай», 2022.
13. VIII Международный форум «Примаковские чтения». — М.: ИМЭМО РАН, 2023.